

ПРИЗНАЙСЯ положи руку на сердце, каким художественным впечатлениям тотчас же, с мгновенной непосредственной отзывчивостью откликается твоя душа? Споры нет, у разных людей разные склонности, но кажется не без оснований, что в любви к пению ты не одинок. Не только и не столько высокий оперный

судьбах, в той, что, выражая одну-единственную душу, выражала еще и время, в той, которая устанавливала связь между людьми и поколениями.

В России всегда любили своих певцов, своих поэтов с гитарой, бардов и менестрелей своих, выражаясь книжно; своих шансонов, если прибегнуть к общепонятному термину. Наше время дает тому массу примеров, каждый из которых достоин отдельного осмысления.

Но ведь история наша, история культуры и одновременно история быта

еще, что любимые твои исполнители, те же супруги Никитины, скажем, живут в одном с тобой городе и время от времени без афиш и широкой рекламы выступают в том или ином ведомственном клубе, где непосвященно, честно говоря, не очень-то ждут. Вот если бы знать, что можно заранее заказать места там, где, к примеру, те же Никитины выступают каждую субботу... О чем же речь? Быть может, о кафе с небольшой эстрадой. Или о клубе с подачей кофе и легких напитков. Быть может, о симбиозе этих двух ничуть не противоречащих друг другу

в силу своего непременно существования в тени «большой сцены», а также и потому, что их все-таки мало.

Между тем театров не хватает. Практически любой спектакль, объявленный в популярном столичном театре, обречен не то чтобы на успех, нет, но на совершенный, как любят говорить администраторы, «аншлаг», иными словами, полный зал в течение нескольких лет ему обеспечен. Было время, когда театральные деятели, актеры и режиссеры радовались столь благоприятному положению вещей, теперь наиболее серьезные из них пришли к выводу,

взять под художественной, материальной и прочей ответственностью авторитетной коллегии, стоящей во главе того или иного солидного театра или, например, творческого союза.

Честно говоря, ничего принципиально нового в данном предложении не содержится. Знаменитый на всю страну тартуский театр «Ванемуйне», выступающий, кстати, в одном из самых совершенных в мире зданий, помимо оперного, балетного и драматического коллективов, имеет под своей эгидой еще и варьете, в котором с различными номерами выступают артисты театра. Московские актеры, известные своими, так сказать, побочными дарованиями — один поет, другой пишет стихи и прозу, третий сочиняет и показывает пародии, — не сколько раз в порядке своеобразной самодеятельности устраивали представления, которым, по совести сказать, самое место было не в традиционном зрительном зале с бельэтажем и ярусами, а в каком-нибудь уютном, причудливо обставленном и остроумно расписанном подвальчике.

Между тем такие метаморфозы случались в истории русского сценического дела. Из актерских веселых вечеров, на которые первые мхатовцы приглашали своих друзей, родилась «Летучая мышь», артистическое кабаре особого рода, в спектаклях которого пушкинские стихи соседствовали с пародийными песенками, а ядовитая пикировка с публикой не мешала конферансье объявлять следующий номер программы отрывок из шекспировской трагедии.

Можно, конечно, считать жанр такого представления принадлежностью минувшей эпохи. Но разве техническая оснастка нынешних муз — синтезаторы, звукоусилители, проекторы, мигалки, наполняющие помещения дискотек, а зачастую и театральные залы невероятным грохотом, проблесками инфракрасного огня, — разве эти чудеса отбили у нашего современника вкус к точному, внятному, негромко произнесенному слову, к ноте, прозвучавшей без электронного подкрепления, к общению с искусством с глазу на глаз?

Ничуть не отбили. Наоборот, обострили его. В этом убеждаешься, когда смотришь спектакль на «малой» сцене. Нашумевшую «Печку на колесах» в Театре имени Моссовета или не менее прогрессивный «Вагончик» на верхнем этаже нового здания МХАТа. Кстати, сцену в привычном понимании, то есть каких-нибудь подмошков, там просто нет, действие разворачивается на пространстве, выгороженном стульями, совсем рядом с тобой, до такой степени рядом, что из зритель ты совершенно помимо воли превращаешься едва ли не в участника всего происходящего, внезапно вставив и свое слово в разгоревшийся между героями представления спор...

Такого яркого эстетического эффекта добивается не отягощенная постановочной механикой малая сцена. Его, вероятно, вернее было бы считать психологическим, нравственным эффектом — человек постигает человека напрямую, непосредственно, как данность собственной

жизни воспринимая поэтический образ, будто поворот собственной судьбы ощущая извне драматического сюжета.

...Еще и в том дело, что людям вечерами надо куда-то пойти. Спектр нашей вечерней жизни все еще бедноват. Многие километры можно прошагать по улицам и не встретить ни одного привлекательного огонька. К тому же классические культурные запросы как-то резко отделены у нас от потребностей в душевном отдыхе и общении. Как бы по разным ведомствам они считались. Можно, конечно, выбирать в театр или в симфонический концерт, а можно в клуб на дискотеку. Маленькие же театры, песенные, поэтические, джазовые клубы по идее своей примиряют гармонически самые разнообразные интересы и склонности, спектакль в них естественно может закончиться диспутом, музыкальным вечером — танцами. При этом непреднамеренно и ненавязчиво служат они драгоценной идее высших и сердечных человеческих контактов.

Двадцать с небольшим лет назад завсегдаги небольшого и недорогого московского кафе — журналы, художники, студенты, артисты только что возникшего театра «Современник» — пригласили к себе поэта, песенки которого кочевали по Москве. Поэт пришел с гитарой, в стандартном мосторговском пиджаке букле, быть может, в том самом, о котором он сочинил одну из самых пленительных своих песен.

Он спел ее. Еще он спел о мальчиках, ушедших на войну прямо из московского двора, о найивном шарике счастья, уносящемся в городское бледное небо, об Арбате, который, как неиссякаемая река, течет по нашей жизни...

Голос поэта был негромким и несилен, ничего притягательно артистического не обнаруживалось в милой его внешности, струны заурадной своей гитары он перебирал в той же незамысловатой манере, в какой делал это в твоём дворе. Однако озноб нестерпимого счастья весь вечер пробегал по твоей спине. Это было чудо авторского исполнения. Чудо искусства, творимого в двух шагах от тебя.

С тех пор ты не раз сживал в просторных залах, где с огромным успехом выступал ставший знаменитым поэт. Замечательные его пластинки всегда у тебя под рукой. Но та изначальная радость узнавания и прикосновения осталась навсегда...

Когда и пометать, пофантазировать, вызвать на спор неожиданным предложением, если не в первые дни года?

Но рубрика, заявленная еще при елочных фонариках, сослужит, как мы надеемся, и будничную, необходимую службу — мы продолжим ее в других номерах, ожидая и твоих предложений, читатель.

ЗЛОБОДНЕВНЫЕ МЕЧТАНИЯ

понятий, о некоем маленьком, как выражаются теперь, «карманном» театре.

Именно в таких микро-сценических театриках-кабаре начинали и продолжают свою карьеру знаменитые французские певцы — Эдит Пиаф, Жорж Брассанс, Жюльетт Греко, Шарль Азнавур... В той части венгерской столицы, что зовется Будой, функционируют «пивничцы», не пивом, как может показаться, притягательные, и кофейни, не одним кофе манящие, но выступлениями звезд песенки и джаза. То, что публика сидит за крохотными столиками во время концерта, вопреки высокомерному мнению, отнюдь не унижает искусства. Напротив, создают обстановку особой доверительности, мы и впрямь как бы пришли в гости к артистам, и они нас «принимают» в прямом смысле слова. Вместе с тем ничего общего с ресторанной разбитной музыкой, столь популярной в нашем общепите, в этих кафе-клубах не обнаруживается, поскольку искусство в них — гвоздь программы, смысл их существования, а не аккомпанемент для бифштексов.

Музам вообще отнюдь не всегда необходим размах Олимпийского дворца или сияющего золотом концертного зала. Есть жанры, бывают эстетические замыслы, рассчитанные на восприятие крупным планом, на совершенно непосредственный прямой контакт между исполнителями и зрителем. В двух шагах от тебя...

Убеждать в правомерности такой эстетики нынче никому не приходится, там и тут заявили о себе малые сцены, в репетиционных залах организуемые, в фойе, в различных подсобных помещениях. Спектакли, поставленные в этих камерных условиях, служат обновлению театральной крови, способствуют актерской занятости и появлению талантов, но тем не менее реальным явлением культурной жизни они еще не стали. Уже

и нравов свидетельствуют о том же. Денис Давыдов, сочинявший в кругу друзей гусарские песни, Аполлон Григорьев с его «двумя гитарами», Лев Николаевич Толстой, который специально ездил в «Яру», чтобы послушать великую цыганку Варю Панину...

Вот тут ты касаешься наконец главной темы этих заметок. Искусство, о котором шла речь, будь оно профессиональное или самодеятельное (грань между ними в этом жанре весьма условна), как уже было замечено, с наибольшей полнотой воплощает себя в небольшой аудитории, к сердечности и откровенности располагающей особым уютом, славной, неповторимой атмосферой, именно дружеского, тесного общения. Что же делать тебе, если за годы взрослой жизни ты утратил друзей, которые, присев к роялю или же взяв в руки гитару, собирали вокруг себя благодарных слушателей? Заново искать подобную компанию? На такую удачу трудно рассчитывать. Довольствоваться пластинками? Но ведь обидно, когда зна-

вокал имеется сейчас в виду и не эпическое звучание хора. Речь идет о пении не таком уж концертно — представительном, ни залов особым не требующем, ни безупречной акустики, ни электронной звукоусиливающей аппаратуры, — о пении скорее интимном, на дружеский круг рассчитанном, быть может, не о пении даже, а об исполнении романсов, баллад, песенок и песен.

Вспоминаются студенческие вечеринки домагнитофонной поры, когда и веселить друг друга, и напевать друг другу собравшимся приходилось собственными силами. Турнирные ностры приходили на память, неотрывные от гитарного перебора, негромкий речитатив над ночным морем, ты шел один по берегу и, привлеченный пением, пристал к незнакомой, почти невидимой в августовской тьме компании — ни приглашения, ни разрешения особого не требовалось, люди шли на голос певца, как идут на огонь...

О великий и бескорыстный дух общений, внезапных небогатых пиршеств, посиделок до зари! Пронзительнее всего дает он о себе знать в песне — в той, что, повествуя об одной судьбе, рассказывала о многих